
Сергей Вариченко
Микро Волнуются
18+

Сергей Вариченко

Микро Волнуются

«Автор»
2026

Вариченко С. С.

Микро Волнуются / С. С. Вариченко — «Автор», 2026

В колхозе имени Бушкича — тихом месте, где поля с трёх сторон, а с четвёртой запретная зона, — начинают пропадать свиньи. На траве остаются ровные тёплые круги, а по ночам слышен гул, которого не должно быть. Бишкоч Мулаич, человек упрямый и не верящий в чудеса, берётся выяснить, кто или что за этим стоит. Но чем ближе он подбирается к разгадке, тем яснее понимает: привычный мир вокруг него уже не тот.

© Вариченко С. С., 2026
© Автор, 2026

Сергей Вариченко
Микро Волнуются

Пролог. Режим первыйп

В ту ночь над Заречьем стоял туман, и все собаки в деревне замолчали одновременно. Я как раз вышел на крыльцо — докурить, послушать тишину. И услышал гул. Не трактор, не дрон. Так гудит трансформатор, если его разбудить в три часа ночи и попросить разогреть борщ.

Оно выплыло из-за лесополосы: огромное, серое, прямоугольное. Сбоку — стеклянное окно, внутри мигала лампочка. Микроволновка. Настоящая, только размером с двухэтажный дом. Она висела над полем, медленно поворачиваясь, и снизу у неё открылась решётка.

Свиньи в загоне сначала завизжали. Потом замолчали. Их подняло в воздух — не разом, а по одной, будто кто-то невидимый нажимал «разморозка» и ждал. Через нижнюю решётку, вверх, в брюхо этой твари. Никаких щупалец, никаких лучей. Просто тяга, которой не должно быть.

А на траве остались круги. Ровные, выжженные, ещё тёплые. И запах — как от свинины, которую забыли в печи.

Когда оно ушло, я стоял и считал. Одной свиньи не хватало. Потом второй. Потом я перестал считать, потому что понял: в следующую ночь оно вернётся.

Так началось лето, когда в Заречье пропадали свиньи, а на полях появлялись круги. И никто, кроме меня, не хотел признавать очевидное: это была микроволновка. И она была голодна.

Глава первая. Человек, который не верил в микроволновки

Бишкоч Мулаич проснулся от тишины.

Не от петуха, не от трактора за околицей, не от собачьего лая. От тишины. В Заречье так тихо не бывает даже в полночь, а уж в пять утра — тем более. Он полежал, глядя в потолок, где по белёной штукатурке ползла трещина, похожая на молнию. Потом встал, накинул куртку и вышел во двор.

Загон был пуст.

Ещё вчера там стояли три свиньи: Мила, Кая и Недоед. Мила — толстая, белая, с розовым пятном на боку. Кая — чёрная, злая, кусала за сапоги. Недоед — мелкий, вечно голодный, оттого и имя. Бишкоч сам построил этот загон. Сам вкопал столбы. Сам приладил калитку на два оборота проволоки.

Калитка была заперта. Столбы стояли. Проволока цела. Свиней не было.

Он обошёл загон по кругу. Ни следов, ни крови, ни выломанной доски. Только трава примята. А посередине, там, где обычно лежала Мила, темнел круг. Ровный, будто кто-то взял огромную кастрюлю и прижал её ко земле. Трава внутри круга была сухая и тёплая. Бишкоч присел, потрогал ладонью. Тёплая. Как печь, которую только что погасили.

Пахло жареным.

Он выпрямился, вытер руку о штаны и сказал вслух, потому что тишина уже начинала давить:

— Ну и кто это сделал?

Никто не ответил. Даже Пуня, дворовый пёс, не вылез из-под крыльца. Только глаза блеснули в темноте.

Бишкоч Мулаич был человеком упрямым. В Бога он верил наполовину, в политиков — ни на четверть, а в летающие тарелки — вообще ни на грош. Всю жизнь он прожил на земле,

и земля его научила простому: если свинья пропала, ищи след. Если следа нет — ищи вора. Если вора нет — значит, ты просто плохо искал.

Он искал до полудня. Прошёл по полю, по лесополосе, по оврагу. Нашёл только одну странную вещь: в траве, метрах в двадцати от загона, лежал маленький металлический винт. Крестообразный, блестящий, слишком аккуратный для деревенской техники. Бишкоч повертел его в пальцах и сунул в карман. На винте было выдавлено что-то мелкое, вроде «800 W».

Он не знал, что это значит. Но решил, что спросит у сына, когда тот позвонит из города.

К обеду приехал участковый Драган. Молодой, в форме, которая была ему велика на размер. Он походил вокруг загона, записал что-то в блокнот, почесал затылок.

— Волки, — сказал Драган.

— Волки не оставляют круги, — ответил Бишкоч.

— Тогда люди.

— Люди не жарят свиней в чистом поле и не убирают следы.

— Может, цыгане?

— Драган, — сказал Бишкоч спокойно, — у меня три свиньи пропали. Не кошелёк. Три. Где следы? Где кровь? Где хоть одна нога?

Драган посмотрел на круг, потом на небо, потом опять на круг. В его глазах было то самое выражение, которое Бишкоч ненавидел больше всего: желание поскорее уехать и забыть.

— Напишу «пропажа скота», — сказал участковый. — Если что-то ещё будет — звони.

— Если что-то ещё будет, — повторил Бишкоч, — я, может, и не успею позвонить.

Драган уехал. Бишкоч остался один. Он сидел на крыльце до вечера, курил и смотрел на поле. Пуня так и не вылез из-под крыльца. Собаки в деревне молчали. И чем ближе к ночи, тем сильнее Бишкочу казалось, что тишина — это не отсутствие звука. Это звук, который кто-то очень большой выключил.

Той ночью он не стал спать. Взял старое ружьё, зарядил дробью, поставил стул у окна. На столе — бутыль ракии, но он к ней не притронулся. Ждал.

Оно пришло в третьем часу.

Сначала — гул. Низкий, ровный, как будто где-то за лесом включили трансформатор. Потом из-за лесополосы выплыло серое. Огромное. Прямоугольное. Сбоку светилось окно, внутри мигала лампочка. Бишкоч прижался к стеклу и почувствовал, как волосы на руках встают дыбом.

Это была микроволновка.

Настоящая. Только размером с дом. Она висела над полем, медленно поворачиваясь. Снизу, из решётки, шёл слабый оранжевый свет. Трава под ней пригибалась, будто ветер, только ветра не было.

Бишкоч схватил ружьё и выскочил на двор. Пуня взвизгнул и забился ещё глубже под крыльцо. А гигантская микроволновка уже опускалась ниже. Решётка открылась. Из неё потянуло теплом. Запахло жареным — тем самым, что остался в загоне.

В сарае заворочался Недоед. Он не пропал. Он прятался. Бишкоч понял это слишком поздно.

Микроволновка повернулась к сараю. Гул стал громче. Доски затрещали. Недоед завизжал — коротко, отчаянно. Бишкоч вскинул ружьё и выстрелил.

Дробь ударила в серый бок. Искры брызнули, как от сварки. Микроволновка вздрогнула. Лампочка внутри мигнула. На секунду Бишкочу показалось, что она смотрит на него. Не глазами. Просто — смотрит.

Потом снизу вырвался столб тёплого воздуха. Сарай хрустнул. Недоед взвизгнул в последний раз. И его подняло — вверх, через решётку, в брюхо серой твари. Бишкоч выстрелил ещё раз. Ещё. Потом ещё. Но дробь только царапала металл.

Микроволновка медленно поднялась, повернулась и поплыла обратно за лесополосу. На земле остался новый круг. Ровный. Выжженный. Тёплый.

Бишкоч стоял во дворе с пустым ружьём, босиком, в одной куртке на голое тело. Смотрел, как исчезает в темноте серый прямоугольник. Потом опустился на колени, потрогал траву внутри круга и тихо сказал:

— У тебя есть дверца. У тебя есть решётка. У тебя есть шнур.

Он поднял голову к небу.

— Значит, есть и розетка.

И в этот момент Бишкоч Мулаич понял, что больше не верит в микроволновки. Он знает, что одна из них — есть.

Глава вторая. Колхоз имени Бушкича

Колхоз имени Бушкича не был деревней.

Деревня — это когда есть церковь, кладбище и улица, названная в честь кого-то, кто давно умер. В Колхозе имени Бушкича не было ни церкви, ни кладбища. Улицы были, но назывались по-другому: Улица Первого Надоя, Переулок Свекловичный, Проезд Сушiлки. Дома стояли одинаковые, серые, двухквартирные, построенные ещё при Бушкиче. Между домами торчали столбы с проводами, а в центре, на площади, возвышался гигантский трансформатор. Он гудел всегда. Даже когда электричество отключали. Особенно когда отключали. Странно что сказать.

Люди здесь жили странные. Не то чтобы плохие — просто другие. Они не говорили «поехать в город», они говорили «выехать на материк». Как будто Колхоз имени Бушкича был островом. И в каком-то смысле так оно и было: с трёх сторон — поля, с четвёртой — лесополоса, а за ней — запретная зона. Туда не ходили. Туда даже собаки не бегали. Только Пуня однажды сунулся — и три дня потом не выходил из-под крыльца.

Основал колхоз человек по фамилии Бушкич. Не агроном, не председатель, а инженер. Приехал в пятьдесят четвёртом году с чемоданом чертежей и сказал: «Здесь будет будущее». Будущее получилось странное. Свёкла росла хорошо. Свиньи плодились быстро. Но люди почему-то начали рождаться реже, а уходить — чаще. Бушкич построил трансформатор, радиоузел и что-то ещё в запретной зоне. Что именно — никто не помнил. А кто помнил, тот молчал.

Бишкоч Мулаич шёл по Улице Первого Надоя к правлению. Босиком, в куртке на голое тело, с пустым ружьём за спиной. Навстречу попалась тётя Мара, которая несла ведро с пойлом. Она посмотрела на него, на ружьё, на его лицо и ничего не спросила. В Колхозе имени Бушкича не принято было спрашивать. Здесь принимали как есть: если человек идёт с ружьём в шесть утра — значит, у него есть причина.

Правление находилось в старом клубе. Когда-то там показывали кино, потом — проводили собрания, теперь — просто сидели. Председатель Любица, женщина лет шестидесяти, с прокуренными пальцами и взглядом, который видел всё, сидела за столом и чистила картошку. Перед ней стояла бутылка минеральной воды и пепельница в форме свиньи.

— Любица, — сказал Бишкоч с порога. — Свиньи пропали.

— Сколько? — спросила она, не поднимая глаз.

— Вчера три. Сегодня одна. Недоед.

Любица отложила нож. Посмотрела на него долго, внимательно.

— Ты пил?

— Нет.

— Тогда почему у тебя руки трясутся?

Бишкоч протянул ей винт. Маленький, блестящий, с крестообразным шлицем. Любица взяла его, поднесла к свету. И тут с ней что-то произошло. Не то чтобы испугалась — она

вообще никогда не пугалась. Просто её лицо стало другим. Как будто внутри выключили лампочку.

— Где ты это взял? — спросила она тихо.

— В траве. Возле загона. Там ещё круг остался. Тёплый.

Любица положила винт на стол. Отодвинула картошку. Закурила.

— Это не наше, — сказала она наконец. — Это от старой установки. Бушкич её собрал. В пятьдесят восьмом. Хотел свёклу греть, чтобы росла быстрее. Умный был, сволочь. Только она не грела. Она забирала.

— Что забирала?

— Всё, что плохо лежит. Сначала кур. Потом коз. Потом свиней. Потом... — она замолчала.

— Потом кого?

— Потом Бушкича.

Бишкоч стоял и смотрел на неё. В клубе было тихо. Даже трансформатор за окном, казалось, притих.

— И что с ней стало?

— Ушла, — сказала Любица. — В поле. Мы думали, насовсем. Лет сорок не было. А теперь, значит, вернулась.

Она затушила сигарету о свинью-пепельницу.

— Никому не говори. И в запретную зону не ходи. Понял?

Бишкоч кивнул. И вышел.

Он, конечно, пошёл.

За лесополосой начиналась запретная зона. Там стояли ржавые комбайны без колёс, бетонные плиты, заросшие полынью, и бетонный круг, вросший в землю. В центре круга торчала розетка. Огромная, чёрная, с тремя дырами. Такая, что в неё можно было вставить не вилку, а человека.

Бишкоч подошёл ближе. Розетка была мёртвая. Ни огонька, ни гудка. Рядом лежал кабель толщиной с руку. Он был перегрызен. Кто-то — или что-то — отключил установку от питания. И тогда Бишкоч понял: микроволновка не просто летает. Она ищет. Она ищет, где подключиться.

Он поднял голову. Над полем, далеко, у самого горизонта, мигнула оранжевая лампочка. Потом погасла.

И в этот момент трансформатор в центре колхоза загудел громче.

Глава третья. Розетка

Бишкоч стоял у розетки и смотрел на перегрызенный кабель.

Кабель был старый, в резиновой оплётке, местами потрескавшейся. Медь внутри потемнела, позеленела от времени. Но срез был свежий. Не пила, не кусачки — зубы. Кто-то перегрыз его недавно. Может, вчера. Может, сегодня ночью.

Он присел, потрогал срез пальцем. Медь была тёплая. Как трава в кругах. Как свинья, которую только что вынули из печи.

Бишкоч выпрямился и посмотрел на розетку. Чёрная, тяжёлая, вросшая в бетон. Три дыры смотрели на него, как пустые глазницы. Он представил, как в них входит вилка — огромная, железная, с тремя зубцами. И как по кабелю бежит ток. И как где-то далеко, за лесом, за полем, за горизонтом, включается лампочка и начинает мигать.

Он достал из кармана винт. Маленький, блестящий, с надписью «800 W». Поднёс к розетке. Винт был слишком мал. Но он был отсюда. Он был частью этой установки. Частью микроволновки.

Бишкоч положил винт обратно в карман и пошёл назад. Через лесополосу, через поле, мимо выжженных кругов, которые уже начали зарастать, но всё ещё хранили тепло. Он шёл и думал. Думал о Бушкиче, который собрал установку. Думал о свиньях, которые пропадали. Думал о том, что микроволновка не просто летает. Она охотится. Она ищет. И она голодна.

Когда он вернулся в колхоз, было уже темно. Трансформатор гудел громче обычного. Возле него стояли люди. Человек десять. Молча. Смотрели вверх.

Бишкоч подошёл ближе. Тётя Мара, Драган, ещё кто-то. Все стояли и смотрели на трансформатор. Он светился. Слабо, изнутри, оранжевым. Как лампочка в микроволновке.

— Что происходит? — спросил Бишкоч.

Никто не ответил. Драган повернулся к нему. Лицо у него было пустое, как у человека, который очень долго не спал.

— Оно подключается, — сказал Драган.

— Что подключается?

— Микроволновка. Она ищет питание. — Драган говорил медленно, будто вспоминал слова. — Бушкич её отключил. Перегрыз кабель. Но она вернулась. И теперь она хочет...

Он не договорил. Трансформатор мигнул. Оранжевый свет внутри вспыхнул ярче, потом погас. Гул стих. На секунду стало так тихо, что Бишкоч услышал, как у него стучит сердце.

Потом где-то за лесополосой, далеко, включилась лампочка. Оранжевая. Мигающая.

Люди у трансформатора молчали. Никто не двинулся. Никто не закричал. Они просто стояли и смотрели, как мигает эта лампочка. Как будто ждали. Как будто знали, что будет дальше.

Бишкоч схватил Драгана за плечо.

— Где Любица?

Драган посмотрел на него. В его глазах не было страха. Только усталость.

— Она пошла в запретную зону, — сказал он. — Час назад. Сказала, что если не вернётся, чтобы ты...

— Что я?

— Чтобы ты не ходил за ней.

Бишкоч отпустил его. Посмотрел на трансформатор, на людей, на мигающую лампочку за лесом. Потом развернулся и пошёл домой. Не бегом. Спокойно. Он знал, что нужно делать.

Дома он взял ружьё. Зарядил. Достал из кладовки моток медной проволоки, которую держал на всякий случай. Сунул в карман винт. И вышел.

Пуня высунулся из-под крыльца. Посмотрел на него. Впервые за два дня.

— Сиди, — сказал Бишкоч.

Пуня не послушал. Вылез. Встал рядом. И они пошли вдвоём. Через поле. Через круги. Через лесополосу. В запретную зону.

Туда, где ждала розетка. Туда, где ждала микроволновка. Туда, где Любица, скорее всего, уже была внутри.

Лампочка мигала. Всё ближе. Всё ярче.

И где-то в глубине запретной зоны, за ржавыми комбайнами и бетонными плитами, что-то гудело. Низко. Ровно. Как трансформатор. Как микроволновка. Как голод.

Бишкоч Мулаич шёл на этот гул. И впервые в жизни он не знал, что будет дальше.

Глава четвёртая. Гробовщик

Кладбище в Колхозе имени Бушкича было не совсем кладбищем.

Оно лежало за лесополосой, но не в запретной зоне, а как бы сбоку от неё. Никто толком не знал, где кончается одно и начинается другое. Просто шло поле, потом начинались кресты. Старые, покосившиеся, вросшие в землю. Некоторые были деревянные, почерневшие от

дождя. Некоторые — каменные, с облупившимися буквами. Имени Бушкича здесь не было. Бушкич не умер. Бушкич исчез.

Бишкоч шёл между могилами и чувствовал, как Пуня прижимается к его ноге. Пёс дрожал. Не от холода. Здесь было тепло. Слишком тепло для ночи. Земля под ногами была мягкая, рыхлая, будто её недавно копали.

В глубине кладбища горел огонёк.

Это была не лампочка. Это была свеча. Одна, в железном фонаре, подвешенном к столбу. А под столбом, на низкой скамейке, сидел человек. Худой. Длинный. В чёрном пиджаке, который был ему велик в плечах и короток в рукавах. Он что-то строгал. Нож двигался ровно, спокойно, как будто человек делал это всю жизнь.

— Инатыч, — сказал Бишкоч.

Человек поднял голову. У него было лицо, которое трудно запомнить. Ни усов, ни бороды, ни морщин. Просто лицо. Серое, как земля. Глаза — светлые, почти прозрачные. Он посмотрел на Бишкоча, потом на ружьё, потом на Пуню. И улыбнулся. Улыбка у него была тоже странная — как будто он знал что-то, чего не знал Бишкоч.

— А, Мулаич, — сказал Инатыч Путыч. — Я тебя ждал.

— Ждал?

— Ну а как же. Свиньи пропадают. Люди пропадают. Ты человек упрямый. Кто ещё пойдёт на кладбище в три часа ночи?

Он отложил нож и деревяшку. Бишкоч присмотрелся. Деревяшка была не просто деревяшкой. Это была маленькая крышка. Маленький гроб. Размером с кошку.

— Что это? — спросил Бишкоч.

— Для свиней, — сказал Инатыч спокойно. — Я теперь гробы для свиней делаю. Потому что люди перестали умирать.

Бишкоч молчал. Пуня заскулил.

— Садись, — сказал Инатыч, кивнув на скамейку. — Долго стоять будешь — устанешь.

Бишкоч сел. Ружьё положил на колени. Инатыч смотрел на него и молчал. Свеча горела ровно, не мигала. Ветра не было. И тут Бишкоч понял: на кладбище не было ни комаров, ни мошек, ни сверчков. Ничего. Только тишина и свеча.

— Ты знаешь, что это, — сказал Бишкоч. Не спросил — сказал.

— Знаю, — кивнул Инатыч. — Все знают. Просто говорить не хотят.

— Любица сказала, что это установка Бушкича.

— Любица много чего сказала. — Инатыч усмехнулся. — Любица сама её включала. В семьдесят девятом. Когда свёкла не уродилась. Думала, поможет. Помогло. Свёкла выросла — во-о-от такая. — Он развёл руки. — А потом Бушкич пропал. А потом — ещё трое. А потом Любица кабель перегрызла. Зубами. Вот этими. — Он показал свои зубы. Ровные, белые, слишком хорошие для его возраста. — Мы её еле оттащили.

Бишкоч смотрел на него.

— Так ты знаешь, где она сейчас.

— Знаю, — сказал Инатыч. — Она в круге. У розетки. Ждёт.

— Чего ждёт?

— Пока её разогреют.

Инатыч встал. Он был очень высокий. Пиджак висел на нём, как на вешалке. Он подошёл к Бишкочу и наклонился. Пахло от него землёй. Свежей, только что выкопанной.

— Мулаич, — сказал он тихо. — Ты хочешь её спасти. Это хорошо. Только ты не туда идёшь.

— А куда надо?

— Микроволновка не в розетку лезет. Она ищет хозяина. Бушкича. Он где-то там. — Инатыч махнул рукой в сторону запретной зоны. — Он не умер. Он внутри. Он и есть — она.

Бишкоч встал. Ружьё качнулось.

— Внутри микроволновки?

— Внутри установки. Он собрал её. Она его съела. Теперь они вместе. И теперь они голодные. Свиньи — это только начало. Дальше будут люди. А потом...

— Что потом?

Инатыч посмотрел на свечу. Пламя наконец дрогнуло.

— Потом она откроет дверцу.

Он повернулся и пошёл между могилами. Бишкоч смотрел ему вслед. Потом крикнул:

— А ты кто такой?

Инатыч остановился. Не обернулся. Просто сказал:

— Я гробовщик. Я всегда был гробовщиком. Даже когда хоронить было некого.

И исчез. Просто шагнул за ближайший крест и пропал. Пуня тихо зарычал.

Бишкоч постоял ещё немного. Посмотрел на свечу, на маленький гробик для свиней, на могилы. Потом развернулся и пошёл дальше. В запретную зону. К розетке. К Любице.

Он не знал, что найдёт там. Но теперь он знал главное: микроволновка — это не машина. Это Бушкич. И Бушкич ждёт.

Свеча за его спиной погасла.

Глава пятая. Река Поконойныч

Бишкоч не дошёл до Любицы.

Он шёл через запретную зону, мимо ржавых комбайнов, мимо бетонных плит, поросших полынью, и уже видел вдалеке бетонный круг и чёрную розетку. Оставалось метров двести. Может, сто. Но между ним и кругом лежала река.

Раньше её здесь не было.

Бишкоч остановился. Пуня остановился тоже. Пёс прижался к земле и тихо, почти неслышно, зарычал. Вода была чёрная, гладкая, без единой волны. Она не текла. Она стояла. И от неё поднимался пар. Тёплый, влажный, с запахом жареного мяса.

На берегу торчал столб. К столбу была прибита фанерная табличка. Кривая, выцветшая, прибитая гвоздями, которые уже вошли в дерево по самую шляпку. На табличке было написано от руки, синей краской, печатными буквами:

РЕКА ПОКОНОЙНЫЧ

Ниже, мельче, как будто кто-то дописывал второпях:

не переходить

Бишкоч прочитал. Потом ещё раз. Потом посмотрел на воду. Река была неширокая. Шагов десять. Может, двенадцать. Он перепрыгивал и не такие. В молодости, когда гнал коров через ручей, перепрыгивал с разбегу. Сейчас ноги уже не те, но всё же.

Он сделал шаг к берегу.

Пуня заскулил. Не громко. Так, будто предупреждал.

— Тихо, — сказал Бишкоч.

Он поднял палку и бросил в воду. Палка коснулась чёрной глади — и не поплыла. Она зашипела. Пар стал гуще. Через секунду палка исчезла. Не утонула. Растворилась. Как сахар в кипятке.

Бишкоч отступил.

— Понял, — сказал он вслух. — Не переходить.

Он посмотрел на другой берег. Там, за рекой, в темноте, мигала оранжевая лампочка. Уже ближе. Уже ярче. И в этом мигании ему почудилось что-то знакомое. Ритм. Медленный, ровный. Как будто кто-то дышал. Или считал.

Раз. Пауза. Два. Пауза. Три.

Бишкоч достал телефон. Сигнала не было. Ни одной палки. Экран светился, но вместо времени показывал нули. 00:00. Потом мигнул. 00:01. И снова 00:00.

— Любица! — крикнул он через реку.

Голос ушёл в темноту и не вернулся. Даже эха не было. Только пар поднялся выше и запах жареного стал сильнее.

Бишкоч постоял ещё немного. Он не был трусом. Но он был человеком земли. А земля его научила: если река появилась там, где её не было, и на табличке написано «не переходить», значит, переходить не надо. По крайней мере, не сегодня. По крайней мере, не с пустым ружьём и не с собакой.

Он развернулся.

— Пойдём, — сказал он Пуне. — Дома подумаем.

Пуня не заставил себя ждать. Он побежал вперёд, оглядываясь, будто проверяя, идёт ли хозяин. Бишкоч шёл за ним. Медленно. Он чувствовал спиной, как река смотрит ему вслед. Не вода. Что-то под водой. Что-то, что стояло на дне и ждало, когда он сделает шаг.

Он не сделал.

Обратный путь был длиннее. Или ему так казалось. Кладбище он обошёл стороной. Свеча больше не горела. Инатыча не было. Могилы стояли тихие, тёмные, и маленький гробик для свиней лежал на скамейке, как будто его оставили для кого-то.

Когда Бишкоч вышел к колхозу, трансформатор молчал. Люди разошлись. Ни Драгана, ни тёти Мары, никого. Только окна в домах светились тускло, и в каждом окне кто-то стоял. Просто стоял и смотрел на улицу. Бишкоч не стал ни с кем разговаривать. Он шёл к своему дому и чувствовал, что ноги становятся тяжёлыми.

Дом стоял на краю, у самой лесополосы. Калитка была открыта. Он точно помнил, что закрывал её. На крыльце горел свет. Он точно помнил, что выключал его.

Бишкоч остановился. Пуня подбежал к двери, понюхал порог и вдруг попятился. Пёс не залаял. Не заскулил. Он просто сел и посмотрел на хозяина. В его глазах было то, чего Бишкоч никогда раньше не видел: не страх. Понимание.

— Ладно, — сказал Бишкоч. — Значит, дома.

Он вошёл.

В доме было тепло. Слишком тепло. Как в загоне после круга. Как у реки. Как в микроволновке. На кухне горел свет. Бишкоч прошёл туда, держа ружьё наготове. Никого. Стол, табуретки, печь. Всё как было. Только на столе стояла маленькая микроволновка.

Новая. Белая. С таймером. Дверца закрыта. Внутри, за стеклом, на стеклянном подносе, лежала записка. Сложенная вдвое. Бишкоч открыл дверцу. Записка была тёплая. Он развернул её.

На листке, вырванном из школьной тетради, синей краской, печатными буквами, было написано:

ПРИХОДИ ОДИН. БЕЗ РУЖЬЯ. БЕЗ СОБАКИ.

ЛЮБИЦА ЖДЁТ.

НЕ ЗАБУДЬ ВИЛКУ.

Бишкоч стоял и смотрел на эти буквы. Потом посмотрел на микроволновку. Она была обычная. Маленькая. Такие продают в городе на рынке. Но когда он заглянул внутрь, в глубине, за решёткой, что-то мигнуло. Оранжевым.

Он закрыл дверцу. Микроволновка тихо звякнула. Таймер сам собой загорелся. На экране появились цифры.

00:01.

И начал обратный отсчёт.

Глава шестая. Гоча

Бишкоч не помнил, как уснул.

Помнил только, что сидел на кухне, смотрел на маленькую микроволновку и слушал, как она тикает. 00:01. Потом 00:00. Потом опять 00:01. Она не грела. Не гудела. Просто считала. И под это тиканье глаза у него закрылись сами.

Он лёг на топчан в прихожей, не раздеваясь. Ружьё поставил у стены, в углу, чтобы под рукой. Пуня легла рядом, у самого топчана, свернулась клубком и вздохнула. Трансформатор за окном молчал. В колхозе было тихо так, что слышно было, как в трубе на крыше шевелится ветер.

Ему снились свиньи.

Он не помнил ни лиц, ни голосов, ни места. Только свиней. Мила, белая, с розовым пятном на боку. Кая, чёрная, злая. И Недоед — маленький, вечно голодный. Они стояли в загоне. Всё было как раньше. Они смотрели на него. Молча. Ждали.

А потом загон начал светиться. Снизу, из-под земли, шёл оранжевый свет, ровный и тёплый, как из печи. Свиньи не убегали. Они стояли и смотрели на Бишкоча, и в глазах у них было нечто такое, чего он не мог понять. Не страх. Не боль. Что-то другое. Как будто они хотели ему что-то сказать. Как будто предупреждали.

Он потянулся к ним. И проснулся.

За окном было ещё темно. Но не по-ночному. Небо на востоке только-только начинало наливаться серым, и в этом сером уже угадывался день. Петухи молчали. Впрочем, в Колхозе имени Бушкича петухи молчали давно. Бишкоч сел на топчане, потёр лицо ладонями. Голова была тяжёлая, как после ракии, хотя он вчера не выпил ни капли. Во рту — сухость. В теле — слабость. Он чувствовал себя так, будто всю ночь таскал мешки.

Пуня подняла голову. Посмотрела на него. Хвостом не вильнула, но и не отползла. Просто смотрела.

— Плохо мне, Пуня, — сказал Бишкоч тихо. — Ох, плохо.

Пуня вздохнула и положила голову ему на колено.

Он посидел так немного. Потом встал и пошёл в подвал.

Подвал был старый, выкопанный ещё при Бушкиче. Стены — бетон, пол — земля, ступеньки — крутые, низкие. Бишкоч спускался медленно, держась за стену. Внизу пахло сыростью, картошкой и молоком. Молоко стояло в трёхлитровой банке, накрытое марлей, в углу, на полке. Рядом — крынка поменьше, для Пуни. Он брал молоко у тёти Мары, у которой была корова Зорька, единственная корова на весь колхоз, которая ещё давала молоко. Остальные коровы в последние годы то ли перестали, то ли пропали — никто не считал.

Бишкоч налил себе в кружку. Потом налил Пуне в старую миску, эмалированную, с отбитым краем. Молоко было холодное, густое, с тёплым запахом, как будто его только что выдоили. Он выпил залпом, до дна. Пуня лакала не спеша, поглядывая на хозяина.

Потом Бишкоч достал из хлебницы гочу.

Гоча была вчерашняя. Круглая, мягкая, с тёмной корочкой, с мелкими орешками, вдавленными в тесто. Тётя Мара пекла такие каждую субботу и раздавала по домам. Бишкоч отломил половину, понюхал. Пахло дрожжами и орехами. Он откусил. Тесто было плотное, чуть сладкое, и орешки хрустели на зубах. Простая еда. Но именно сейчас, в это серое утро, после бессонной ночи, после снов, которых он не помнил, но которые оставили в нём тяжесть, — именно эта гоча показалась ему самым вкусным, что он ел за последние дни.

Он жевал медленно. Смотрел в окно. Небо светлело. В углу кухни тихо тикала микроволновка. 00:01. 00:00. 00:01.

Бишкоч отломил кусок и бросил Пуне. Пуня поймала на лету, проглотила, облизнулась.

— Хорошо, — сказал Бишкоч. — Поели. Теперь будем думать.

Он допил молоко из кружки — на самом дне осталась белая полоска, — и поставил кружку на стол. Рядом с микроволновкой. И тут заметил то, чего не увидел вчера, когда вошёл.

На дверце микроволновки, в самом углу, у петли, была маленькая царапина. Три буквы, процарапанные чем-то острым. Не краской. Именно процарапанные, в белом металле, до серого.

Б.М.

Бишкоч смотрел на эти буквы долго. Потом провёл по ним пальцем.

Бушкич. Мулаич. Нет. Не то.

Бишкоч Мулаич. Его собственные инициалы.

Он опустил руку. Посмотрел на Пуню. Пуня смотрела на микроволновку и не мигала.

За окном начало светать. И где-то далеко, за лесополосой, за полем, за рекой Поконойныч, оранжевая лампочка мигнула в последний раз и погасла. Как будто кто-то выключил её. Как будто кто-то ждал, что он проснётся.

Бишкоч надел куртку. Зарядил ружьё. И достал из кладовки вилку. Обычную, трёхзубую, от холодильника. Он не знал, зачем она ему. Но в записке было сказано: не забудь вилку.

Он сунул её в карман. И вышел во двор.

Глава седьмая. Шошкыч Улянов

Пуня бежала впереди, потом отставала, потом снова догоняла. Она то и дело оглядывалась на хозяина, будто проверяла: точно ли он идёт, не передумал ли. Бишкоч шёл ровно, не спеша. Ружьё за спиной, вилка в кармане. Дорога до запретной зоны в это утро была короче. Или просто знакомая.

Река Поконойныч была на месте.

Но мост уже стоял.

Вчера его не было. Бишкоч точно помнил: вчера он стоял на берегу, бросал палку, смотрел, как она растворяется в чёрной воде. Никакого моста не было. А сейчас — был. Простой, деревянный, на двух опорах. Доски свежие, жёлтые, будто их только вчера принесли. Перила гладкие, без единой трещины. И ни гвоздя, ни верёвки, ни следа, что его кто-то строил. Он просто появился. Как табличка. Как река. Как микроволновка.

Бишкоч постоял на берегу. Пуня села рядом, у самых досок, и понюхала воздух. Потом посмотрела на хозяина. В её глазах не было страха. Только ожидание.

— Ну что, — сказал Бишкоч. — Значит, ждут.

Он ступил на мост.

Доски не скрипнули. Не прогнулись. Держали крепко, будто знали, что он придёт. Бишкоч перешёл реку в двенадцать шагов. Пуня — за ним, по самому краю, ближе к перилам. На том берегу мост обрывался так же внезапно, как и начинался. Никакой тропы. Просто трава, потом поле, потом вдалеке — дом.

Дом был обычный. Такие ставили в Колхозе имени Бушкича в пятидесятых: низкий, длинный, с двумя окнами на улицу и одним — во двор. Крыша шиферная, стены белёные, крыльцо деревянное, в три ступеньки. Возле крыльца рос куст сирени, разросшийся, давно не стриженный. И труба дымила. Не сильно. Тонкой струйкой. Как будто в доме только-только растопили печь.

Бишкоч подошёл к калитке. Калитка была открыта. Он вошёл.

Дверь дома тоже была открыта. И на пороге стоял парень.

Лет двадцати. Может, меньше. Худой, в серой рубахе, в штанах, подвязанных верёвкой, босиком. Волосы тёмные, коротко стриженные. Лицо простое, открытое, но глаза старые. Не по возрасту старые. Такие глаза бывают у людей, которые много видели и мало спали. Он стоял спокойно, руки в карманах, и смотрел на Бишкоча. Без удивления.

— Эт я вас ждал, — сказал он.

Голос был обычный. Молодой. Не гулкий, не странный. Просто голос.

Бишкоч остановился. Пуня села у его ноги.

— Меня?

— Вас. — Парень кивнул, будто подтверждая. — Идёмте.

Он повернулся и пошёл в дом. Не оглянулся. Как будто был уверен, что Бишкоч пойдёт за ним. Бишкоч пошёл. Но перед тем, как шагнуть через порог, обернулся на Пуню.

— А Пуня?

Парень остановился. Посмотрел через плечо. На Пуню. Долго. Потом сказал:

— Пусть идёт. Ваша собака.

Пуня не ждала второго приглашения. Она проскользнула в дом первой, обнюхала половицы, прошла в комнату, покрутилась на месте и улеглась у печи. Как будто жила здесь всегда.

В доме было тепло. Пахло дровами, сухой травой и чем-то ещё — слабым, знакомым. Молоком? Нет. Не молоком. Бишкоч не сразу понял. Потом понял: это был запах гостиной у тёти Мары, когда она пекла гочу. Дрожжи, орехи, тёплый хлеб. Только здесь ничего не пекли. Печь стояла холодная, если не считать тонкой струйки дыма из трубы.

Парень сел за стол. На столе — две кружки, кувшин с водой, и ничего больше. Он налил воду в одну кружку, потом во вторую. Одну поставил перед собой, другую — напротив. Для Бишкоча.

— Странное место, согласны? — сказал парень.

Бишкоч сел. Кружку взял, но пить не стал. Пуня у печи подняла голову, посмотрела на хозяина, потом опять улеглась.

— Да, есть такое, — сказал Бишкоч.

Парень усмехнулся. Не зло. Просто усмехнулся, как будто услышал хорошую шутку.

Он осмотрелся — по сторонам, на окна, на печь, на дверь. Как будто проверял, всё ли на месте. Потом протянул руку через стол.

— Шошкыч Улянов.

Бишкоч посмотрел на руку. Рука была обычная. Молодая, чуть загорелая, с коротко остриженными ногтями. На костяшке указательного — маленький шрам, белый, старый. Бишкоч пожал. Ладонь была тёплая. Сухая. Не мягкая и не жёсткая. Просто рука.

— Бишкоч Мулаич, — сказал он.

— Знаю, — кивнул Шошкыч. — Все знают.

Он отпустил руку и откинулся на табуретке. Посмотрел на Бишкоча внимательно, как будто видел его впервые, хотя только что сказал, что ждал. Потом перевёл взгляд на Пуню. Потом — на ружьё за спиной Бишкоча. И ничего не сказал про ружьё.

— Любица у вас? — спросил Бишкоч.

Шошкыч покачал головой.

— Любица у Бушкича. Это дальше.

— Дальше — это где?

— За домом. Через огород. Там ещё один мост. Через другую реку. — Он помолчал. — Только туда нельзя с ружьём.

Бишкоч снял ружьё и поставил его у стены, возле двери. Шошкыч кивнул, как будто именно этого и ждал.

— А вилку взяли?

Бишкоч вынул из кармана вилку. Обычную, трёхзубую, от холодильника. Положил на стол. Шошкыч посмотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Хорошая. Наша.

— Ваша?

— Колхозная. Такие были в каждой квартире при Бушкиче. Он сам их раздавал. Говорил: «Вилка — это ключ». Мы тогда не поняли. Теперь понимаем.

Он взял вилку, повертел в руках, положил обратно. Бишкоч смотрел на него и ждал. Пуня у печи спала. Или делала вид, что спит.

— Шошкыч, — сказал Бишкоч. — Ты кто?

Парень посмотрел на него. И впервые за всё это время улыбнулся по-настоящему. Не усмехнулся. Улыбнулся. Открыто, просто, как улыбаются дети или очень старые люди.

— Я сын Бушкича, — сказал он.

Бишкоч молчал.

— Только не тот, которого вы думаете. Не тот, что родился. Тот, что не родился. — Шошкыч взял кружку, отпил воды, поставил обратно. — Мама была из вашего колхоза. Любица знала её. Она хотела меня оставить. Но Бушкич сказал: «Не время». И меня не стало. А потом стала она. Микроволновка. Она меня и собрала. Из того, что было. Из свёклы, из свиней, из кабеля, из зубов Любицы. Вот я и есть. Шошкыч. Улянов.

— Почему Улянов?

— Потому что Уля — это мама. Уля Нова. Она умерла, когда меня не стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.